ИСТОРИЯ РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ

И. В. Егорова

В. С. СОЛОВЬЁВ КАК ФИЛОСОФ

Аннотация. *Владимир Сергеевич Соловьев (1853–1900) — первый крупнейший русский философ религиозного плана, создавший всеобъемлющую философскую систему. Соловьев в течение своей жизни переживал духовную эволюцию. С малых лет он был воспитан в религиозном духе. Однако в 13-летнем возрасте пережил религиозный кризис, который продолжался с 1866 по 1871 гг. В этот период он разочаровался в религии, стал атеистом, выбросил в сад иконы, принял позиции вульгарного материализма Бюхнера. В статье показана духовная эволюция философа. Постепенно под влиянием различных философов он отошел от атеистических воззрений, стал глубоко верующим человеком, создал свою религиозную систему, хотя и не соблюдал религиозные обряды. В статье ставится вопрос: насколько актуальные сегодня идеи В. С. Соловьева. Разумеется, за истекшее время совершенно преобразилась научная картина мира. В области философии сложилась новая парадигма. Нередко пишут о том, что философия В. С. Соловьева утратила свою актуальность. Между тем философские искания мыслителя весьма созвучны нашему времени. Не тускнеют его размышления о предназначенности философии, ее роли в обществе, ее значимости. По-прежнему актуальны его соображения о философском уме как драгоценном достоянии человека.*
Ключевые слова: *В. С. Соловьёв, философия, религия, философский ум, всеединство, человек, софийность, разумное познание, вероучение, истина.*

I. V. Egorova

V. S. SOLOVYOV AS A PHILOSOPHER

Summary*. Vladimir S. Solovyov (1853–1900) is the first largest Russian philosopher of the religious plan who created comprehensive philosophical system. Solovyov during his life has been endured spiritual evolution. Since small years he was brought up in religious spirit. However at 13-year age he endured religious crisis which has been continued from 1866 to 1871. In this period he was disappointed in religion, became the atheist, threw out icons in a garden, accepted positions of vulgar materialism of Byukhner. Spiritual evolution of the philosopher is shown in article. But gradually under influence of various philosophers he departed from atheistic views, became deeply believing person, created the religious system, though he did not observe religious practices. In article it is asked how relevant today Solovyov's ideas. Certainly, for the expired time the scientific picture of the world absolutely changed. In the field of philosophy there was a new paradigm. Quite often write that Solovyov's philosophy lost the relevance. Meanwhile philosophical searches of the thinker are very conformable to our time. His reflections about predestination of philosophy, its role in society, its importance do not grow dull. His reasons about philosophical mind as precious property of the person are still relevant.*
Keywords: *Vladimir S. Solovyov, philosophy, religion, philosophical mind, all-unity, person, sophia, reasonable cognition, dogma, truth.*

© И.В. Егорова

Владимир Сергеевич Соловьев жил в эпоху, когда господствовала классическая идея тождества, когда ученые и любомудры были склонны к системосозиданию. В наши дни эти традиционные подходы утратили популярность. В новой научной парадигме господствует идея различий.

DOI: 10.24411/2541-7673-2018-10412
При цитировании этой статьи ссылка на doi обязательна

Многие мыслители предумышленно избегают всякой системности. Так философ нередко превращается в одиночку, увлеченного раскладом собственных идей, не призванных ни к всеединству, ни к системности. Автор статьи убежден в том, что такая раздробленность философского знания лишь этап в истории философии. Накопление оригинальных суждений, неожиданных прозрений рано или поздно взывают к обобщению. Пафос В.С. Соловьева к цельности знаний сохраняет свое значение в наши дни.

Философское наследие В.С. Соловьев многообразно. В данной статье выделены основные сюжеты его философской рефлексии, которые наиболее созвучны нашему времени и включаются в контекст современных идейных размежеваний. Это касается, например, религиозных исканий, философских уклонов и брожений. Особую ценность представляют антропологические идеи мудреца. К сожалению, именно философское постижение человека не стало предметом особого внимания у современных исследователей. Между тем антропологические идеи В.С. Соловьева сильны своей цельностью, глубокими прозрениями и убеждением в сакральности человека как особого рода сущего. К антропологической теме относятся мысли о софийности и особенности анализ идей Ф.М. Достоевского, который затем был продолжен многими философами, в частности. М.М. Бахтиным.

О классике русской философии Владимире Сергеевиче Соловьеве написано много. В любой период отечественной истории его учение привлекало внимание, вызывая подчас и противоречивые оценки. Чем значим он для нас сегодня? Нет ли потребности в наши дни взглянуть на его наследие по-новому? Разве не было таких попыток прежде, когда величие классика подвергалось сомнению? Вот, к примеру, из писем В.В. Розанова к Э.Ф. Голлербаху: «Только русскую философию нужно всю перетрогать, взять в других измерениях: Шперка я бы поставил (terrible dictue) на 2-м месте, как действительно оригинального и самобытного мыслителя, а Владимира Соловьева — на 3-м месте, как нисколько не оригинального и лишь очень самоупоенного» [см.: 12, с. 38–40; 17, с. 441].

Философский ум

«Оригинального и самобытного мыслителя» Шперка сегодня мало кто назовет, а «самоупоенный» В.С. Соловьев по-прежнему востребован. И тем не менее стремление «перетрогать» русскую философию, взять ее в новых измерениях сохраняет актуальность. Многое изменилось в России, но имя В.С. Соловьева не потускнело. Его мысли органично вплетаются в современные идейные размежевания. Консервативная бережность и сегодня противостоит безбрежному либерализму. В.С. Соловьев был и остался в числе первых в России, кто рассматривал действительность неразъемно, как целое, исходя из принципа единства мира, обусловленного признанием Бога как абсолютного сверхприродного начала.

И все же, каким критерием руководствоваться при оценке философского наследия В.С. Соловьева? Таким критерием, я полагаю, и при его жизни и сейчас может служить наличие оригинальных и значимых философских идей. В русской философии рубежа XIX–XX вв. «идея» как таковая — едва ли не самая влиятельная категория. Она, в частности, обозначает тот поворот к Платону, который был осуществлен В. Соловьевым; Именно благодаря этому понятию философы и художники увлекались созерцанием и изображением «мира идей», «высшей реальности». «Разумное познание, — писал В.С, Соловьев, — со стороны *формальной* обусловлено *общими понятиями,* выражающими единство смысла в неуловимой множественности явлений; но действительная и объективная общность (общий смысл) понятий обнаруживается в словесном общении без которой разумная деятельность, задержанная и лишенная осуществления, естественно, атрофируется, а затем и самая способность разумения переходит в состояние чистой возможности» [14, с. 283–284].

В наши дни много пишут о партикулярности философии. В пору безграничного культа различий, слома традиции и крушения диктатуры всеобщего, часто говорят о самоценности отдельно взятой идеи, презревшей всякую системность, возвышается значимость мыслей В.С. Соловьева о целостности знания. «Возьмем только *наше* и самое ближайшее: кто станет отрицать, что философские учения П. Юркевича, Вл. Соловьева, кн. С. Трубецкого, Л. Лопатина входят именно в традицию положительной философии, идущую, как я указывал от Платона? И мы видим, что Юркевич понимал философию как *полное* и *целостное* знание, — философия для него, как целостное мировоззрение, — дело не человека, а человечества; Соловьев начинает с критики отечественной философии и уже в «Философских началах «цельного знания» дает настоящую конкретно-историческую философию» [16, с. 199].

В.С. Соловьев — первый крупнейший русский философ религиозного плана, создавший всеобъемлющую философскую систему. Мыслитель

DOI: 10.24411/2541-7673-2018-10412

При цитировании этой статьи ссылка на doi обязательна

верил, что лишь благодаря вере в Христа человечество способно возродиться. Однако его отношение к христианству не было слепым и бездумным. Он был убежден в том, что развитие науки и философии исказило изначальную форму христианства. Отсюда потребность восстановить подлинное христианство. Что имелось в виду? Ввести вечное содержание христианства в новую, соответствующую ему, т. е. разумную, безусловную форму. Но возможно ли это в ближайшей перспективе? По мнению В. С. Соловьева, до этого практического осуществления христианства в должном виде пока еще далеко. Предстоит значительная работа теоретического характера, углубление богословского вероучения. Миссия В. С. Соловьева состояла в создании христианской православной философии, которая утверждала бы основные догматы христианства. Такое вероучение, в размышлениях В. С. Соловьева, имело бы огромное значение не только для философских основ естествознания, но и для нравственной жизни человечества. Цели В. С. Соловьева носят универсальный характер: совершенствование мира, борьба с эгоизмом, претворение в жизнь христианских идеалов любви, обладание абсолютными ценностями. Пауль Тиллих полагал, что сегодня уже никто не надеется на воссоединение христианских церквей, о котором в конце XIX в. мечтал Вл. Соловьев. Однако в наши дни эта идея вновь окрыляет многих теологов.

Система В. С. Соловьева — попытка создать религиозную философию, которая воплощала бы в себе синтез науки, философии и религии. В наши дни заметно сближение того, что еще так недавно казалось совершенно противоположным. Наука и религия, столь долго имевшая лишь потенциальную связь через философию, теперь все больше сходятся между собой и с удивлением обнаруживают внутреннее единство. По мнению В. С. Соловьева, все совершается по непреложным законам, но в различных сферах бытия очевидно должны господствовать *разнородные* законы (или точнее различные применения одного и того же закона), а из этой разнородности естественно вытекает различное взаимоотношение этих частных законов, так что законы низшего порядка могут являться как подчиненные законам порядка высшего, подобно тому, как, допуская специфические различия между мировыми силами, мы имеем право допускать и различное отношение между ними, допускать существование высших и более могущественных сил, способных подчинять себе другие.

В. С. Соловьев часто пользуется понятием «философский ум». «Мы называем философским умом такой, который не удовлетворяется хотя бы самою твердою, но безотчетной уверенностью в истине, а принимает лишь истину удостоверенную, ответившую на все вопросы мышления. К достоверности стремятся, конечно, все науки: но есть достоверность относительная и достоверность абсолютная, или безусловная: настоящая философия может окончательно удовлетвориться только последнюю» [14, с. 761].

В наши дни истина утратила свою универсальность. В новой научной парадигме мы все чаще говорим о плюральности истины. Она мерцает, высвечивая разные грани мира. Означает ли это, что он растворен, обезличен? Нет, доступность мира связана с развитостью мыслительной мускулатуры мыслителя. «В классическом схематизме мысли правила для руководства ума, правила для рационального вывода были заданы и ты им должен был соответствовать, образец деятельности сознания уже задан и образ мыслителя задан. Но теперь этот образ исчез. И тем самым твоя ситуация как бы разомкнута и открыта. Мыслитель отсутствует как готовая сущность и образец. Мыслитель всякий раз возобновляет себя, сам собой вводя новые миры, не претендуя при этом на пророчество и поучение» [13, с. 23–24].

Современный исследователь вынужден отказаться от мысли, что есть мир и в нем уже все есть. Но и в условиях нынешней парадигмы размышления В. С. Соловьева вопрошание об истине остается неотложной задачей. «Но для философа по призванию, — пишет он, — нет ничего более желательного, чем осмысленная или проверенная мышлением иситна; поэтому он любит свой процесс мышления, как единственный способ достигнуть желанной цели, и отдается ему без всяких посторонних опасений и страхов» [14, с. 761]. По мнению В. С. Соловьева, существенная особенность философского умозрения состоит в стремлении к безусловной достоверности. Эти мысли русского классика не утратили своего значения и в наши дни. Они выражают манифест ответственного мышления. Не секрет, что во многих современных исследованиях проводится мысль о самоцельности философского ума. Философ развертывает собственные ментальные навыки, уже не задумываясь о пользе такого труда, о его предназначенности. Его вдохновляет лишь раскрученность мысли. Так исподволь проводится тезис о безответственности философской рефлексии.

В этих условиях позиция В. С. Соловьева, укорененная в классической традиции, возвращает философии ее истинное предназначение. Философия

DOI: 10.24411/2541-7673-2018-10412
При цитировании этой статьи ссылка на doi обязательна

осмысливается им в разных ракурсах: как система рационального знания, как субъективное творчество, как познание безусловной истины, как нравственное требование. «Первое нами ощущаемое и фактически несомненное основание теоретической философии есть та бесконечность человеческого духа, которая выражается здесь в несогласии мыслящего ума поставить заранее какие-нибудь внешние границы или пределы собственной мысли, не проверенным и не оправданным ею. Итак, первая основа философского мышления, или первый критерий философской истины, есть ее *безусловная принципиальность:* теоретическая философия должна исходную точку в себе самой, процесс мышления должен начинаться в себе с самого начала» [там же, с. 764].

Именно поэтому В.С. Соловьев считал мерилом достоверности для мысли не нечто внешнее, а присущее ей самой, ее собственной природе.

В.С. Соловьев отмечал, что существует множество различных знаний — житейских, научных, религиозных, имеющих свою *относительную* достоверность, совершенно достаточную для практических целей. Но основной вопрос теоретической философии имеет в виду достоверность самого знания по существу. И все же подход к истине у В.С. Соловьева крайне взвешенный и трепетный. Нельзя начинать, — отмечает он, — с какого-нибудь отвлеченного определения этого рода знания. Начиная с общего определения, мы волей-неволей нарушим основное требование добросовестного мышления — не допускать произвольных или непроверенных предположений.

Софийность

Софийность — от «Софии Премудрости Божией», едва ли не главного действующего лица русской религиозно-философской мысли рубежа XIX–XX вв. Это понятие обладает всеохватывающими значениями для всего мира. Но оно, тем не менее, имеет разные определения. София выступает у Соловьева как пассивное начало, вечная женственность. Мыслители-поэты в материальной природе, по словам В.С. Соловьева, узнавали проявления небесной Премудрости, ниспавшей из высших сфер: так видимый свет нашего мира был для них улыбкой Софии, вспоминающей нездешние сияния покинутой Плеромы (полноты абсолютного бытия) [14, с. 137].

София выступает как душа мира, так как она единственный центр воплощения божественной идеи мира. София представляет собой тело Христово по отношению к Логосу. В то же время тело Христово — это церковь. Значит, София — это церковь, невеста Божественного Логоса. Воплощением ее предстает образ Св.девы Марии. Отметим, что понятие Софии получило признание и дальнейшее осмысление в трудах М.М. Бахтина. Бахтин, знал вероятно, в первую очередь из трудов В. Соловьева и П. Флоренского; слово «софийность» он однако применяет здесь в философско-антропологическом, а не мифологическом смысле — имея в виду под ним «внутреннее тело» человека. Близкое словоупотребление («софийность») в значении «телесность») мы находим у А. Лосева. С «софийной» стихией Лосев связывает представление о «теле, несущем на себе становление смысла» [8, с. 180]. Философская интерпретация Софии в отечественной традиции восходит к богословскому пониманию под ней мира в его причастности к Богу, иначе — вселенской Церкви как Тела Христова. От мистического Тела Бога к телу духа, «смысла» человека: такой скачок совершает философское мышление Бахтина. Заметим, что «софийным» человек может выглядеть, по Бахтину, только в глазах другого, — отсюда соположение здесь «наличности», «софийности», «другого» [1, с. 480].

Антропологическая тема у В.С. Соловьева

Идеи В.С. Соловьева о человеке исследованы недостаточно. Несомненно, что общий пафос философского творчества философа — освобождение человека как от пагубной власти индивидуалистических заблуждений, так и от антигуманистического давления, нуждающегося в преобразовании общества. В основе его философского творчества лежит стремление к универсальному всеединству, достижению «цельной жизни» и «цельного творчества». Путь к этому он видел в универсальном синтезе философии, науки и религии (опыта, знания и веры).

Антропологическая тема В.С. Соловьева разнолика. Он рассматривает человека как абсолютно становящееся, как самостоятельного субъекта всех своих действий и состояний, как субъекта чувственного и субъекта разумного, как существо религиозное. В.С. Соловьев судит о человеке как безусловной внутренней формы для Добра, как существе лично-общественном. Он толкует человека как существо сверхживотное и сверхприродное. Не обходит В.С. Соловьев и проблему человеческой природы. Он касается проблемы антропогенеза.

DOI: 10.24411/2541-7673-2018-10412

При цитировании этой статьи ссылка на doi обязательна

Размышляет о развитии человека. По мнению философа, человек есть высшее откровение истинно-сущего. Он толкует также о высших устремлениях человека, о познавательных потребностях и способностях, о самостоятельности и самоутверждении человека. Он не сомневается в том, что человек есть рожденный свыше.

Понять феномен человека, оставаясь в сфере имманентного, по словам В.С. Соловьева, невозможно. Следует поэтому перенести свой умственный центр в ту трансцендентную сферу, где собственным светом сияет истинно-сущее. «Если задача философии — объяснить все существующее, то разрешить эту задачу, оставаясь в имманентной сфере актуального человеческого познания так же невозможно, как дать истинное объяснение солнечной системы, принимая нашу Землю за средоточие» [15, с. 225].

Но здесь возникает вопрос: каким образом человек, существо относительное, может выйти из сферы свой данной действительности и трансцендировать к абсолютному? Этот вопрос сохраняет свою актуальность и в наши дни. Весьма заметный в наши дни аналитик А.А. Пелипенко пишет: «Пора, наконец, сказать прямо: грандиозный пласт культуры, отражающий отношения человека с *запредельным миром,* основан не на произвольных измышлениях, предрассудках или ложных представлениях, а на самом что ни на есть действительном опыте» [10, с. 18].

По мнению исследователя, в основе деятельности человека, в отличие от инстинктивных действий животных, лежат не потребности как таковые, а когнитивные схемы. Роль познавательных матриц в порождении культуры неоспорима. Действительно, любые культурные инновации не выводятся напрямую из потребностей как таковых. Однако столь привычный для европейской философии культ когнитивизма не позволяет раскрыть многообразие экзистенциальных состояний человека. Рождение культуры, по моему убеждению, коренится не только в рациональных схемах. Огромную роль играет также интуиция и мир эмоций. Выключение этих факторов, связанных с внутренними переживаниями человека, как раз и ведет к вульгарному рационализму.

Человек, по мнению В.С. Соловьева, является носителем нравственности. Это, по сути дела, его атрибутивный признак. Философы-рационалисты видели в человеке прежде всего разумность. Подход к антропологической теме у В, С. Соловьева иной. В первую очередь он рассматривает человека как носителя нравственных установлений. «Но то же самое разумное создание, — пишет философ, — благодаря которому человек облает общею идеей добра как безусловной нормы, в дальнейшем своем росте постепенно сообщает этой формальной идее достойное ее содержание, стремясь уготовить такие нравственные требования и идеалы, которые были бы по существу всеобщими и необходимыми; выражали бы собственное развитие идеи добра, а не представляли бы только внешнее ее приложение к тем или иным чуждым ей материальным мотивам» [15, с. 199].

У животных, по мнению В.С. Соловьева, обнаруживается психическая деятельность. Это своеобразное приращение к мертвым объектам. Как в мире животном к необходимости механической присоединяется психологическая, не упраздняющая первой, но и несводимая на нее, так и у человека, по словам В.С. Соловьева, так и у человека к этим двум присоединяется еще *необходимость* идейно-разумная, или *нравственная*. Что это означает? Человек может делать добро помимо и вопреки всяких корыстных соображений, ради самой идеи добра. «Человек должен укреплять дух и подчинять ему плоть не потому, что это была цель его жизни, а потому, что, так, только освободившись от рабства слепым и злым материальным влечениям, может человек служить правде и добру и достигнуть своего положительного совершенства» [там же, с. 153].

Идею совершенства человека В.С. Соловьев извлекает из узкого горизонта рассудочности. Нравственность оказывается едва ли главным определением человека. Желание быть нравственным есть только возможность совершенства. Оно само по себе не может быть завершением. Скорее всего, тяга к добру есть только начало жизни и деятельности человека. Все эти рассуждения В.С. Соловьева направлены против вульгарного экономизма, который в те годы получал широкое распространение. Но В.С. Соловьев полагал, что признавать в человеке только деятеля экономического — производителя вещественных благ есть точка зрения ложная и безнравственная.

Размышление В.С. Соловьева о человеке начинается с осознания его природности. «Возможно троякое отношение человека к внешней природе, — пишет философ, — страдательное подчинение ей в том виде, как она существует, покорение ее и пользование ею как безразличным орудием и, наконец, утверждение ее идеального состояния. — того, *чем* она должна стать через человека. Природа нужна человеку как раз для того, чтобы возвысить ее.

DOI: 10.24411/2541-7673-2018-10412
При цитировании этой статьи ссылка на doi обязательна

Что же, по мнению В.С. Соловьева, выступает движущим мотивом человеческой деятельности? Философ резко выступает против механического, принудительного господства над человеком, которое выражено во многих философских концепциях. Человек — не пассивное создание, продукт слепого стечения обстоятельств. Деятельность человека подчинена психологической и нравственной причинности. Свобода человека как личности и как общества от предполагаемых естественных законов материально-экономического порядка не находится, по Соловьеву, ни в какой прямой связи с метафизическим вопросом о свободе воли.

Много внимания Соловьев уделяет сопоставлению животного и человека. Он отмечает, что наши меньшие братья лишены настоящего разумения, но чутьем душевным, несомненно, обладают, — и вот в силу этого чутья хотя не могут с ясным осуждением стыдиться своей природы и ее дурного смертного пути, однако явно этим тяготятся, явно тоскуют по чему-то лучшему. Иначе говоря, если и не обладают разумом, то все-таки способны возвыситься над инстинктом. Австрийский психиатр В. Франкл, кстати, весьма ясно выражает эту идею Соловьева. Он пишет о том, что когда собака подвергается операции, она на уровне инстинкта не понимает, что происходит вокруг нее. Однако глядя на хозяина или ветеринара смутно поверх инстинкта догадывается, что они хотят ей добра, а не зла, не погибели.

Русский философ В.С. Соловьев заметил, что есть одно чувство, которое не служит никакой общественной пользе, совершенно отсутствует у самых высших животных, но ясно обнаруживается у человеческих существ. В силу этого чувства самый дикий и неразвитый человек стыдится, т.е. признает не должным и скрывает такой физиологический акт, который не только удовлетворяет его собственные влечения и потребности, но, сверх того, полезен и необходим для поддержания рода. В прямой связи с этим находится, по мнению философа, и нежелание оставаться в природной наготе, побуждающее к изобретению одежды даже таких дикарей, которые по климату и простоте бытия в ней вовсе не нуж-даются.

Согласно Соловьеву, этот нравственный факт резче всего отличает человека от всех других животных, у которых мы не находим ни малейшего намека на что-нибудь подобное. Даже Дарвин, который рассуждал о религиозности собак, не пытался искать у какого бы то ни было животного зачатков стыдливости. Действительно, даже «высокоодаренные» и «многовоспитанные» домашние животные не составляют исключения.

Благородный в других отношениях конь дал библейскому пророку подходящий образ для характеристики бесстыдных юношей из развратной иерусалимской знати. Доблестный пес издавна и справедливо почитается типичным представителем полнейшего бесстыдства. У обезьяны именно вследствие ее наружного сходства с человеком, а также из-за ее до крайности живого ума и страстного характера ничем не ограниченный цинизм выступает с особой яркостью.

В.С. Соловьев полемизировал с Дарвином, который отрицал стыдливость у человека. Не найдя стыдливых животных, Дарвин писал о бесстыдстве диких народов. Соловьев оспаривал этот взгляд. Он показал, что не только дикари, но и культурные народы библейских и античных времен могут казаться нам бесстыдными. Но лишь в определенном смысле. Чувство стыда, несомненно, бывшее у них, имело не всегда те же самые формы выражения и не на все те житейские подробности распространялось, с которыми оно связано у нас.

Говоря о бесстыдстве древних народов, Дарвин ссылался на религиозные обычаи древних, на фаллический культ. Однако, по мнению Соловьева, этот важный факт говорит скорее против него: «Намеренное, напряженное, возведенное в религиозный принцип бесстыдство, очевидно, предполагает существование стыда. Подобным образом принесение родителями детей в жертву своим богам никак не доказывает отсутствия жалости или ро-дительской любви, а, напротив, предполагает это чувство; ведь главный смысл этих жертв состоял именно в том, что убивались любимые дети; если бы то, что жертвовалось, не было дорого жертвующему, то сама жертва не имела бы никакой цены, т.е. не была бы жертвой» [там же, с. 122].

Лишь впоследствии с ослаблением религиозного чувства люди стали обходить это основное условие всякого жертвоприношения посредством разных символических замен. На простом отсутствии стыда, равно как и на жалости, по мнению Соловьева, нельзя основать никакой религии, хотя бы самой дикой. Если истинная религия предполагает нравственную природу человека, то и ложная религия со своей стороны предполагает ее именно тем, что требует ее извращения. Соловьев полагал, что реальным извращением, положительной безнравственностью питались и жили те демонические силы, которые почитались в кровавых и развратных культах древнего язычества. Разве религии требовали только простого, натурального совершения известного физиологического акта? Дело состояло здесь в потенцированном разврате, в нарушении всех пределов,

DOI: 10.24411/2541-7673-2018-10412

При цитировании этой статьи ссылка на doi обязательна

полагаемых природою, обществом и совестью. Религиозный характер этих неистовств доказывает чрезвычайную важность данного пункта, а если бы все ограничивалось натуральным бесстыдством, то откуда же взялась и эта напряженность, и эта извращенность, и этот мистицизм?

Стыд, по Соловьеву, остается отличительным признаком человека. В нем человек действительно выделяет себя из всей материальной природы, и не только внешней, но и своей собственной. Стыдясь своих природных влечений и функций собственного организма, человек тем самым показывает, что он не есть только это природное материальное существо, но еще и нечто другое, высшее. Тот, кто стыдится, в самом психическом акте с. отделяет себя от того, чего стыдятся. Но материальная природа не может быть другою или внешнею для самой себя, следовательно, если Я стыжусь своей материальной природы, то тем самым на деле показываю: Я не то же самое, что она.

Как бы предваряя современные социобиологические открытия, Соловьев показал, что если бы даже были представлены единичные случаи половой стыдливости у животных, то это следовало бы расценить лишь как зачаточное предварение человеческой натуры: существо, стыдящееся своей животной природы, тем самым показывает, что оно не есть только животное. Никто из верующих в говорящую ослицу Валаама не отрицал на этом основании, что дар разумного слова есть отличительная особенность человека от прочих животных. Но еще более коренное значение в данном смысле принадлежит половой стыдливости человека.

Человек обладает чувством стыда, поскольку в глубине своего сознания, по мнению В.С. Соловьева, человек понимает, что он есть образ и творение Божие. «Истинный, рожденный свыше человек, — пишет В.С. Соловьев, — нравственным подвигом самоотречения приводит живую силу Божию в омертвевшее тело природы и весь мир образует во вселенское царство Божие. Верить в царство Божие — значит с верой в Бога соединять веру в человека и веру в природу» [15]. Человек и природа имеют смысл только в своей связи с Божеством.

Соловьев и Достоевский

То, что понимание Ф.М. Достоевского после размышлений на эту тему В.С. Соловьева отличается «новизной» отмечали многие философы. Но толкование творчества писателя русским философом отличается глубиной и неожиданностью [11]. «Мне кажется, — писал В.С. Соловьев, — что на Достоевского нельзя смотреть как на обыкновенного романиста, как на талантливого и умного литератора. В нем есть нечто большее, и это большее составляет его отличительную особенность и объясняет его действие на других» [15, с. 291].

В.С. Соловьев задается целью уяснить «господствующую идею» Достоевского. Романисты обычно берут окружающую их жизнь так, как они ее застали, как она сложилась и выразилась. Художественный мир Достоевского, согласно Соловьеву, имеет совершенно противоположный характер. «Здесь все в брожении, ничто не установилось, все еще только становится. Предмет романа никак не быт общества, а общественное движение» [там же, с. 295].

Общий смысл всей деятельности Достоевского состоит в разрешении вопроса о высшем идеале общества и о настоящем пути к его достижению. Общественное значение этих романов велико. В них предсказаны важные общественные явления, которые не замедлили обнаружиться. Вместе с тем эти явления осуждены во имя высшей религиозной истины. «Обладание истиной, — пишет В.С. Соловьев, — не может составлять привилегии народа так же, как оно не может быть привилегией отдельной личности. Истина может быть только *вселенскою,* и от народа требуется подвиг служения этой вселенской истине, хотя бы, и даже *непременно, с* пожертвованием своего национального эгоизма. И народ должен оправдать себя перед вселенской правдой, и народ должен положить душу свою, если он хочет спасти ее» [там же, с. 301].

Соловьев объявляет Достоевского своим единомышленником, усмотрев у него собственную заветную мысль: «Центральная идея, которой служил Достоевский во всей своей деятельности, была христианская идея свободного всечеловеческого единения, всемирного братства во имя Христово» [там же, с. 302]. В.С. Соловьев, анализируя Достоевского, возвращается к своей мысли о христианстве. Писатель толкуется им как проповедник христианской идеи. Есть такой вид христианства, где Христос является высшим нравственным идеалом, религия сосредоточивается в личной нравственности. Ее призвание — спасение отдельной души человечества. «И если Христос есть действительное воплощение истины, то он не должен оставаться только храмовым изображением или же только личным идеалом: мы должны признать его как всемирно-историческое начало, как живое основание и краеугольный камень всечеловеческой Церкви» [там же, с. 203].

DOI: 10.24411/2541-7673-2018-10412
При цитировании этой статьи ссылка на doi обязательна

Соловьев не различает двух ликов Достоевского — ликов художника и философа: у него почти нет ощущения дистанции между воззрениями писателя и его главных героев. В последующих исследованиях романов Достоевского слово «идея» начинает соотноситься с образом героя. Предшественники Бахтина в русской философской критике связывают те или иные «идеи» с героями Достоевского без достаточного теоретического обоснования.

Будучи религиозным человеком, — писал о Ф.М. Достоевском В.С. Соловьев, — он был вместе с тем свободным мыслителем и могучим художником. Опираясь на творчество писателя, В.С. Соловьев отмечал: «Вера в эту бесконечность души человеческой дана христианством. Изо всех религий одно христианство рядом с совершенным Богом ставит *совершенного человека,* в котором полнота божества обитает телесно. И если полная действительность бесконечной человеческой души была осуществлена в Христе, то возможность, искра этой бесконечности и полноты существует во всякой душе человеческой, даже на самой низкой степени падения, и это показал нам Достоевский в своих любимых типах» [там же, с. 306].

Вслед за В.С. Соловьевым к теме Достоевского обращались многие мыслители. Блестящий анализ творчества писателя дал, как известно М.М. Бахтин. Он отметил диалогичность, которая изначально присуща творчеству Ф.М. Достоевского. «Диалог» в мире Достоевского, — отмечает исследовательница М.М. Бахтина Н.К. Бонецкая, — происходит не между автором и героями: его ведут и герои между собой. Мировоззренческий, «идейный» диалог предстает в форме разговоров героев о «последних» проблемах бытия. Герой Достоевского — это «идея», «слово»; говорящий этический космос о Достоевском — не что иное, как многосубъектное «бытие-событие». Здесь некий таинственный момент бахтинских построений» [1, с. 16].

«На пути к истинной философии»

Анализируя различные виды духовного творчества, В.С. Соловьев делает неожиданный вывод: у них нет зодчего. «Каково бы ни было различие и даже противуположность между метафизикой идеализма и позитивным воззрением современных натуралистов, они сходятся в одном: и там и там человек не при чем» [15, с. 324]. В самом деле, если сущность и смысл вселенной можно выразить такими понятиями, как «безусловное тождество», «абсолютная идея» или «бессознательное», то человек в этом случае оказывается лишним звеном. Нет ему места с его душевными потребностями. Не находится место человеку, если вселенная лишь сложный механизм движущегося вещества. «В первом случае человек теряется как преходящий момент в безразличии абсолютного. Подобные взгляды на человека помимо того, нравятся они нам или нет, прямо разрушают сами себя своею внутренней несообразностью, и если мы их отвергаем, то не потому, что они нечеловечны, а потому что они неразумны» [там же].

Так В.С. Соловьев приходит к идее значимости человека, его участия в мировых процессах. Философ показывает ограниченность, узость представления о человеке, которое предлагают идеалисты и естественники. В.С. Соловьев делает критические маргиналии по поводу наследия Гегеля и Фейербаха. Он отвергает также эмпирический подход к изучению человека. В.С. Соловьев допускает даже мысль о том, что современный мир лишь наша мозговая фикция. Но тут же подчеркивает, что мозг сам есть лишь один из феноменов нашего физического мира.

В.С. Соловьев пишет: «Человек, познающий истину, несмотря на свое ничтожное и рабское положение в природе, и природа, уничтожающая человека, несмотря на его истину, очевидно, не имеют никакого смысла друг для друга, между ними нет никакой внутренней связи, никакого необходимого соотношения. Человек на свое понимание природы, не имеет над нею власти, а природа несмотря на свою силу над человеком, не имеет разума. Так, они и остаются чужими и враждебными друг другу, несмотря на то что с той же точки зрения человек есть лишь порождение природы, а природа — представление человека» [там же, с. 326].

У Вл. Соловьева есть удивительное стихотворение «Три подвига». Философ-поэт пытается найти общий смысловой знаменатель трех мифологем — творения, избавления царевны и сошествия во ад. Он, по сути дела, отождествляет изведение жизни и красоты из косной материи (Пигмалион выводит из камня Галатею), ее избавление от хаотических сил земного зла (Персей спасает Андромеду от чудища) и от смерти как от зла космического (Орфей, который должен вывести Эвридику из ада). Может быть, небезынтересно мнение французского этнолога о том, что сама воспроизводимая в высокоразвитых культурах тема странствия и борений души глубочайшим образом скрепляет преемственную связь современной культуры в архаическим типом инноваций и — более того — с темными истоками нашего филогенеза, с таинственным движением наших

DOI: 10.24411/2541-7673-2018-10412

При цитировании этой статьи ссылка на doi обязательна

отдаленных предков из отношений чисто природных в сфере культуры и духовности» [см.: 5].

В. С. Соловьев приходит к мысли: чтобы понять смысл мира — следует понять внутреннее и необходимое соотношение между двумя терминами действительности — человеком как познающим и природой как познаваемому. Русский мыслитель видит ответы на поставленные вопросы в Откровении. «Только признав данную религиозную истину, наш ум получает твердую предметную опору для своей метафизической работы и переносит философию из области человеческих измышлений в область божественной истины [15, 337]. Взгляды В. С. Соловьева на философию тесно связаны с антропологией. Это одно из знамений нашего времени.

DOI: 10.24411/2541-7673-2018-10412
При цитировании этой статьи ссылка на doi обязательна

Список литературы

1. *Бахтин М.М*. Избранное. Т.I. Автор и герой в эстетическом событии. М.-СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2017. — 544 с.
2. *Бахтин М.М*. Избранное. Том II. Поэтика Достоевского. М.-СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2017. — 512 с.
3. *Бонецкая Н.К*. В поисках Неведомого Бога. Мережковский — мыслитель., М.-СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2017. — 400 с.
4. *Бонецкая Н.К*. Бахтин глазами метафизика. М.-СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2016. — 560 с.
5. *Бросс Ж.* Дорогами странствий // Курьер ЮНЕСКО, 1987, № 5.
6. *Гальцева Рената, Роднянская Ирина*. К портретам русских мыслителей. М.: Петроглиф, 2012. — 758 с.
7. *Зеньковский В.В.* Русские мыслители и Европа. М.: Республика, 1997. — 368 с.
8. *Лосев А.Ф*. Владимир Соловьев и его время. М.: Прогресс, 1990. — 720 с.
9. *Лосский Н.О*. История русской философии. М.: «Высшая школа», 1991. — 559 с.
10. *Пелипенко А.А.* Постижение культуры. Мифоритуальная система. Медиационная парадигма. Книга первая. М.: Политическая энциклопедия; Президентский центр Б.Н. Ельцина, 2017.
11. *Померанц Григорий*. Открытость бездне. Встречи с Достоевским. М.-СПб.:Центр гуманитарных инициатив, 2013.
12. Ранние письма В.В. Розанова к Э.Ф. Голлербаху // Геллербах Э., Розанов В.В. Пг., 1918.
13. *Смирнов С.А*. Форсайт человека. Опыты по неклассической философии человека. Новосибирск: «ОФСЕТ», 2015.
14. *Соловьев В.С*. Сочинения в двух томах, т.1. М. «Мысль», 1988. — 892 с.
15. *Соловьев В.С*. Сочинения в двух томах, т. 2. М. «Мысль»,1988. — 822 с.
16. *Шпет Г.Г.* Мысль и слово. Избранные труды. М., 2005.
17. *Шпет Г.Г.* Философская критика: отзывы, рецензии, обзоры. М.: РОССПЭН, 2010.
18. *Гуревич П.С*. Конец философии или её возрождение? // Философская школа. 2017. №1. — С.11–21. DOI: 10.24411/2541-7673-2017-00001